

Антиох Дмитриевич Кантемир (1708 – 1744)

Кантемир (князь Антиох Дмитриевич) — знаменитый русский сатирик и родоначальник современной нашей изящной словесности, младший сын молдавского господаря, князя Дмитрия Константиновича и Кассандры Кантакузен, родился в Константинополе 10 сентября 1709 г. По матери он потомок византийских императоров. В отличие от своего отца, князя Константина, отец Антиоха, князь Дмитрий, всецело посвятил себя мирной деятельности, не оправдывая воинственной своей фамилии (Кантемир означает либо родственник Тимура — предки Кантемира признавали своим родоначальником самого Тамерлана, — либо кровь-железо; татарское происхождение фамилии Кантемир несомненно). Семья князя Дмитрия, в том числе и будущий сатирик, сопровождала его в его путешествиях и походах. Этим и объясняется, что Кантемир усвоил себе так полно дух русского языка и проявил в своих сатирах такое глубокое знание современной ему русской жизни. Первоначальными его учителями были греки, но уже на седьмом году его жизни в семью Кантемира

поступил воспитателем один из наиболее даровитых студентов Заиконоспасской академии, Иван Ильинский. Князь Дмитрий Кантемир, любивший литературу и сумевший внушить эту любовь и Антиоху, в духовном завещании отказал все свое имущество тому из своих сыновей, который проявит наибольшее расположение к научным занятиям, причем он имел в виду именно Антиоха, «в уме и науках от всех лучшего». Действительно, остальные братья оказались людьми заурядными; вкусы Антиоха разделяла только его сестра Марья, что и послужило основанием их дружбы на всю жизнь. Переписка брата с сестрой во время продолжительного отсутствия первого из России (см. Шимко, «Новые данные к биографии А. Д. Кантемира и его ближайших родственников», Санкт-Петербург, 1891) бросает яркий свет на настроение этих двух людей, мягких и гуманных в такое время, когда окружавшее их общество отличалось дикостью и жестокостью. Переписка эта и в других отношениях имеет большое значение для характеристики Кантемира: она разъясняет, почему он отказался от выгодного брака с богатейшей невестой того времени, княжной Варварой Алексеевной Черкасской, дочерью влиятельного государственного человека. Причиной этому было нежелание отказаться от литературных и научных занятий. Дипломатической деятельности Кантемир посвятил себя главным образом потому, что пребывание за границей давало ему возможность расширить свое образование и в то же время освобождало его от непосредственного участия в политической борьбе, сопряженной с кознями и интригами. Любовь Кантемира к науке имела утилитарный характер, в петровском духе: он дорожил и самой наукой, и своей литературной деятельностью лишь

настолько, насколько они могли приблизить Россию к благополучию, а русский народ — к счастью. Этим, главным образом, определяется значение Кантемира, как общественного деятеля и писателя. На тринадцатом году жизни он потерял отца. Домашнее образование Кантемира дополнилось кратковременным пребыванием в греко-славянской академии и в Академии Наук. Последняя оказала Кантемиру несомненную пользу. Особенно он ценил лекции Бернулли и Гросса и на всю жизнь сохранил большое расположение к математике и этике. Но своим обширным образованием он в значительной степени обязан лично себе. Еще юношей он внимательно следил за европейской литературой, по самым разнообразным отраслям знания. Об этом свидетельствуют собственноручные его пометки в календаре за 1728 г. Задаваясь, еще в ранней молодости, вопросом о средствах распространения в России знаний, пригодных для жизни, и об искоренении невежества и суеверий, он признавал наиболее важным учреждение школ и считал это задачей правительства. Прельщенный могучей деятельностью Петра, Кантемир возлагал все свои надежды на монархическую власть и очень мало рассчитывал на самостоятельный почин духовенства и дворянства, в настроении которых он усматривал явное нерасположение или даже ненависть к просвещению. В самых сильных своих сатирах он ополчается против «дворян злонравных» и против невежественных представителей церкви. Когда, при воцарении императрицы Анны Иоанновны, зашла речь о предоставлении политических прав дворянству (шляхетству), Кантемир решительно высказался за сохранение государственного строя, установленного Петром Великим, 1 января 1732 г. Кантемир уехал за границу, чтобы занять пост русского резидента в Лондоне. Во внутренней политической жизни России он участия более не принимал, состоя первоначально (до 1738) представителем России в Лондоне, а затем в Париже. Деятельность Кантемира, как дипломата, еще мало исследована; даже еще не издано полное собрание его реляций; пока вышел только первый том, под редакцией профессора Александренко, обнимающий первые два года дипломатической деятельности Кантемира в Лондоне («Реляции из Лондона», Москва, 1892). Лучшей оценкой трудов Кантемира на этом поприще являются работы Стоюнина: «Книга А. Кантемира в Лондоне и Париже» («Вестник Европы», 1867 и 1880), далеко, однако, не исчерпывающие вопроса. Автор подробно говорит о неблагоприятных условиях, которыми был окружен Кантемир, как дипломат; о недостатке материальных средств, урезывания или задержке более чем скромного жалованья, разносторонних поручениях, обременявших Кантемира (в роде «приискания искусной прислуги» или покупки «езженных лошадей»), — но он недостаточно оттеняет, что Кантемир все-таки успел собрать богатый материал и давал своему правительству отчеты, поражающие широтой взгляда и всесторонней оценкой политических деятелей и условий. Литературная деятельность Кантемира началась очень рано. Уже в 1726 г. появилась его «Симфония на Псалтирь», составленная в подражание такому же труду Ильинского: «На четвероевангелие». В том же году Кантемир переводит с французского «Некое итальянское письмо, содержащее утешное критическое описание Парижа и французов» — книжечку, в которой осмеиваются французские нравы, уже тогда постепенно проникавшие к нам. В 1729 г. Кантемир переводит философский разговор «Таблица Кевика-философа», в котором выражены взгляды на жизнь, вполне соответствующие этическим воззрениям самого Кантемира. В том же году появляется и первая его сатира, столь восторженно встреченная Феофаном Прокоповичем и сразу установившая между ними самый тесный союз. Некоторые биографы стараются изобразить дело так, как будто союз между Прокоповичем и Кантемиром состоялся на почве общей вражды к Голицыну и что как Прокопович, так и Кантемир преследовали личные цели, — первый, опасаясь за свое политическое влияние, второй, негодуя на несправедливость Голицына, влиянием которого отцовское наследие, т. е. состояние в 10000 душ, досталось брату Кантемира, князю Константину Кантемиру, женившемуся на дочери князя Голицына (см. «Древняя и Новая Россия», 1879, том X, статью Корсакова о процессе князя Константина Кантемира с мачехой, урожденной княжной Трубецкой). На самом деле Прокопович и Кантемир не могли сочувствовать Голицыну, как представителю старой боярской партии, относившейся

враждебно к реформам Петра; личные соображения играли тут весьма второстепенную роль. Это видно уже из того, что Кантемир несколько не воспользовался своим участием в перевороте 1730 г. для личного обогащения, хотя это было бы для него не трудно. Посвящая первой сатире (характерно озаглавленной «На хулящих учение») восторженные стихотворения, лучшие представители нашей церкви, Прокопович и Кролик, всенародно поспешили признать, что считают тесный союз с 20-летним преображенским поручиком вполне естественным и законным, когда тот, в талантливых стихах, ополчается вместе с ними против врагов Петра и его просветительного дела. Все дальнейшие сатиры (их всего 9) составляют только более подробное развитие мыслей, изложенных в первой. Первое место в них занимает народ, с его суевериями, невежеством и пьянством, как основными причинами всех постигающих его бедствий. Подают ли высшие сословия хороший пример народу? Духовенство мало чем отличается от самого народа. Купечество думает только о том, как бы обмануть народ. Дворянство к практическому делу совершенно неспособно и не меньше народа склонно к обжорству и пьянству, а между тем признает себя лучше других сословий, удивляется, что ему не хотят предоставить власть и влияние. Администрация по большей части продажна. Кантемир бичует не одних только представителей низшей администрации: вчера еще «Макар всем болваном казался», а сегодня он временщик, и картина сразу изменяется. Сатирик наш обращается со словом горькой правды и к представителям власти. «Мало ж пользует тебя звать хоть сыном царским, буде в нравах с гнусным ты же равнишься псарским». Он с большим мужеством и с необычайной для его времени силой стиха провозглашает, что «чист быть должен, кто туда, не побледнев, всходит, куда зоркие глаза весь народ наводит». Он считает себя и других вправе смело провозглашать такие мысли, потому что чувствует себя «гражданином» (это великое слово им впервые введено в нашу литературу) и глубоко сознает «гражданский» долг. Кантемира следует признать родоначальником нашей обличительной литературы. Он первый смеялся у нас «смехом сквозь слезы» (это выражение также введено им впервые в нашу литературу), и смеялся им в такое время, когда, казалось, всякое сколько-нибудь свободное слово было просто немыслимо. 1729 и 1730 были годами наибольшего расцвета таланта и литературной деятельности Кантемира. Он не только написал в этот период свои наиболее выдающиеся сатиры (первые три) но и перевел книгу Фонтенеля «Разговоры о множестве миров», снабдив ее подробными комментариями. Перевод этой книги составил своего рода литературное событие, потому что выводы ее коренным образом противоречили суеверной космографии русского общества. При Елизавете Петровне она была запрещена, как «противная вере и нравственности». Кроме того, Кантемир переложил несколько псалмов, начал писать басни, а в посвящениях своих сатир проложил путь позднейшим знаменитым составителям од, причем, однако, не скупился на сатирические замечания для выяснения тех надежд, которые русский «гражданин» возлагает на представителей власти. Такой же характер имеют и его басни. Он же впервые прибег к «эзоповскому языку», говоря о себе в эпиграмме «На Эзопа», что «не прям будучи, прямо все говорит знаю», и что «много дум исправил я, уча правду ложно». После переезда за границу Кантемир, за исключением разве первых трех лет, продолжал обогащать русскую литературу новыми оригинальными и переводными произведениями. Он писал лирические песни, в которых давал выражения своему религиозному чувству или восхвалял науку, знакомил русскую читающую публику с классическими произведениями древности (Анакреона, К. Непота, Горация, Эпиктета и других), продолжал писать сатиры, в которых выставлял идеал счастливого человека или указывал на здравые педагогические приемы (сатира VIII), предрешая, до известной степени, задачу, осуществленную впоследствии Бецким; указывал и на идеал хорошего администратора, озабоченного тем, чтобы «правда цвела в пользу люду», чтобы «страсти не качали весов» правосудия, чтобы «слезы бедных не падали на землю» и усматривающего «собственную пользу в общей пользе» (письмо к князю Н. Ю. Трубецкому). Он переводил и современных ему писателей (например «Персидские письма» Монтескье), составил руководство к алгебре и рассуждение о просодии.

К сожалению, многие из этих трудов не сохранились. В письме о «сложении стихов русских» он высказывается против господствовавшего у нас польского силлабического стиха и делает попытку заменить его тоническим, более свойственным русскому языку. Наконец, он пишет и религиозно-философское рассуждение, под заглавием «Письма о природе и человеке», проникнутое глубоким религиозным чувством человека, стоящего на высоте образованности. Мучительная смерть очень рано прервала эту кипучую деятельность. Кантемир скончался 31 марта 1744 г., в Париже, и погребен в Московском Никольском греческом монастыре. Литература, посвященная Кантемиру, еще невелика. К собранию его сочинений, вышедшему под редакцией П. А. Ефремова, приложена биография Кантемира, составленная Стоюниным. Самой обстоятельной критической статьей о Кантемире все еще остается статья Дудышкина, помещенная в «Современнике» (1848). Свод всего написанного о Кантемире и попытку самостоятельного освещения его политической и литературной деятельности у Сементковского: «А. Д. Кантемир, его жизнь и литературная деятельность» (Санкт-Петербург, 1893 г.; биографическая библиотека Ф. Ф. Павленкова) и «Родоначальник нашей обличительной литературы» («Исторический Вестник», март, 1894). Сатиры Кантемира переведены аббатом Венути на французский язык («*Satires du pr. Cantemir*», 1746) и Шпилькером на немецкий («*Freie Übersetzung der Satiren des Pr. Kantemir*», Berlin, 1852).

Р. Сементковский